

ANKASAM

БЮЛЛЕТЕНЬ

Июнь 2026 г.
ВЫПУСК: 2026/6

Техно-политический конфликт: новая цифровая арена соперничества США и Китая

01

Архитектура европейской безопасности после Анкарского саммита НАТО, план перехода и Ормузский кризис

29

Меняющееся уравнение европейской безопасности и американо-турецкие отношения

СОДЕРЖАНИЕ

ANKASAM АНАЛИЗ

- 01** Архитектура европейской безопасности после Анкарского саммита НАТО, план перехода и Ормузский кризис
Emekli Deniz Albay Dr. Ferhan ORAL
- 02** Ормузский пролив и подводные кабели: правовая и геополитическая уязвимость глобальной цифровой инфраструктуры
Toghru VALIKHANLI
- 09** Война США–Израиля и Ирана: фрагмент новой глобальной войны?
Prof. Dr. Murat ERCAN
- 10** Ловушка Фукидида: соперничество США и Китая и война за глобальную гегемонию
Doç. Dr. Mustafa ÖZALP
- 17** Изменение восприятия угроз и стратегическая трансформация НАТО: от холодной войны до Мадридской стратегической концепции 2022 года
Prof. Dr. Murat ERCAN
- 19** Саммит «Большой семерки» (G7) в Эвиане 2026 года в перспективе международной политической экономики
Zeynep Çağla ERİN
- 25** Технополитический конфликт: новый цифровой фронт соперничества США и Китая
Zeynep Çağla ERİN
- 29** Меняющееся уравнение европейской безопасности и американо-турецкие отношения
Gamze BAL

ANKASAM В СМИ

22 СМИ

ЖУРНАЛ

23 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ КРИЗИСНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ANKASAM АНАЛИЗ

Архитектура европейской безопасности после Анкарского саммита НАТО, План переходного периода и кризис вокруг Ормузского пролива

Emekli Deniz Albay Dr. Ferhan ORAL

Саммит НАТО, проведение которого запланировано в Анкаре в июле 2026 года, рассматривается не как обычное заседание государств-членов, посвящённое текущим вопросам безопасности, а как потенциальный стратегический поворотный момент в трансформации всей трансатлантической архитектуры безопасности. В данном контексте саммит приобретает значение институционального рубежа, отражающего углубляющийся процесс структурной перестройки Североатлантического альянса, связанный с перераспределением ролей между США и европейскими союзниками.

После завершения холодной войны система безопасности НАТО функционировала преимущественно на основе доминирующей роли Соединённых Штатов Америки, которые обеспечивали стратегическое руководство, военное превосходство и ядерное сдерживание. Европейские союзники в этом контексте выступали преимущественно в роли зависимых акторов безопасности. Однако в последние годы наблюдается постепенное изменение этой структуры. Рост оборонно-промышленного потенциала Европейского союза, усиливающееся стремление к стратегической автономии и развитие собственных военных возможностей государств-членов ЕС формируют новую повестку внутри Альянса. В рамках этой трансформации особое значение приобретает концепция «контролируемой передачи военных возможностей», которая предполагает постепенное и институционально управляемое перераспределение отдельных критически важных военных функций США в пользу европейских государств. Речь идёт не о полном выводе американских сил, а о переопределении их роли в рамках более сбалансированной архитектуры коллективной безопасности.

Важным элементом данного процесса становится инициатива по созданию «Группы планирования переходного периода НАТО», которая должна выполнять функцию координационного механизма в процессе перераспределения военных возможностей. Основной задачей данной структуры является определение того, какие именно военные способности будут передаваться европейским союзникам, в какие сроки и при каких институциональных условиях.

К числу таких возможностей относятся стратегическая военно-транспортная авиация, системы дозаправки в воздухе, спутниковая разведывательная инфраструктура, а также интегрированные системы противовоздушной и противоракетной обороны. Эти элементы составляют ядро современной военной инфраструктуры НАТО и имеют критическое значение для обеспечения оперативной мобильности и стратегического сдерживания.

Передача данных возможностей требует не только технического согласования, но и глубокой институциональной трансформации самой логики функционирования Альянса. НАТО постепенно эволюционирует от структуры, ориентированной на кризисное реагирование, к платформе, обеспечивающей управление процессом перераспределения военного потенциала и координацию коллективной обороны в условиях многополярной системы.

Финансовую основу данного процесса формирует решение саммита 2025 года, согласно которому государства-члены должны увеличить оборонные расходы до уровня 5% ВВП к 2030 году. Это решение отражает не только рост военных бюджетов, но и институционализацию долгосрочной модели европейской оборонной самостоятельности, предполагающей постепенное снижение зависимости от США.

Одновременно с этим стратегия Соединённых Штатов по сокращению части своего военного присутствия в Европе и переориентации стратегических приоритетов в сторону Индо-Тихоокеанского региона усиливает необходимость перераспределения ответственности внутри Альянса. Однако несогласованность темпов этого процесса может привести к возникновению временных «зон уязвимости» в системе коллективного сдерживания НАТО.

Поэтому ключевым элементом становится координационная функция переходной группы, которая должна обеспечить последовательность передачи военных возможностей и минимизацию рисков стратегического дисбаланса. В этом контексте НАТО всё больше приобретает характер института управления трансформацией, а не исключительно оборонной организации.

Параллельно Европейский союз реализует программу SAFE (Security Action for Europe) с бюджетом 150 миллиардов евро, направленную на развитие оборонно-промышленной базы Европы. Программа ориентирована на снижение внешней зависимости в таких секторах, как системы противовоздушной обороны, производство боеприпасов, беспилотные платформы, кибербезопасность и космические технологии.

SAFE выполняет не только экономическую, но и стратегическую функцию, формируя промышленную основу для будущего перераспределения военных возможностей внутри НАТО. Это означает, что европейская автономия должна опираться не только на политические решения, но и на устойчивую производственную базу.

В результате формируется модель гибридной безопасности, в которой Соединённые Штаты сохраняют роль стратегического гаранта и ключевого элемента ядерного сдерживания, тогда как Европа постепенно усиливает свои оперативные, логистические и промышленно-технологические функции. Речь не идёт о классическом проекте создания единой европейской армии, а о более сложной системе распределённой ответственности внутри существующей архитектуры НАТО.

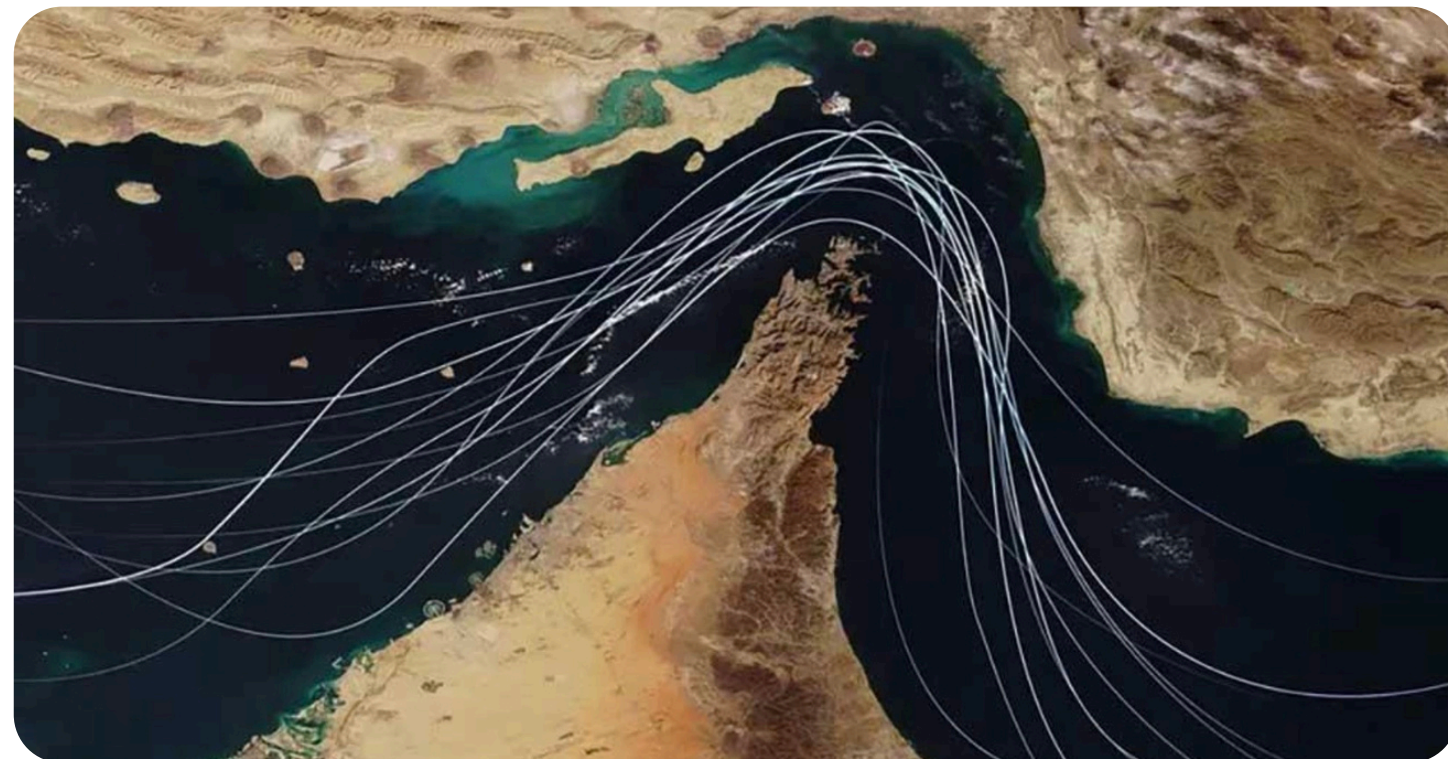
Дополнительным элементом трансформации становится обсуждение расширения роли НАТО в обеспечении безопасности стратегических морских коммуникаций, включая Ормузский пролив. Однако вовлечение Альянса в подобные операции несёт значительные политические и стратегические риски, поскольку может быть воспринято региональными державами как форма прямого вмешательства.

В частности, в случае Ирана подобные действия могут интерпретироваться как угроза национальной безопасности, что повышает риск эскалации конфликта. Поэтому более вероятным сценарием остаётся участие ограниченных коалиций государств или отдельных стран, а не прямое вовлечение НАТО как института.

В целом текущая динамика свидетельствует не о кризисе или распаде НАТО, а о постепенной трансформации его функциональной структуры. Альянс движется в сторону модели, которую можно охарактеризовать как «европеизация ответственности при сохранении американского стратегического ядра».

В этой модели Соединённые Штаты продолжают выполнять функцию глобального стратегического гаранта, тогда как европейские государства берут на себя возрастающую долю оперативных и промышленных обязательств. Программы SAFE и переходный план НАТО в совокупности формируют гибридную архитектуру безопасности, основанную на перераспределении военных, экономических и технологических ресурсов.

Таким образом, речь идёт не о демонтаже существующей системы безопасности, а о её адаптации к условиям формирующегося многополярного международного порядка, в котором ответственность и возможности распределяются более дифференцированно между союзниками.

ANKASAM АНАЛИЗ

Ормузский пролив и подводные кабели: правовая и геополитическая уязвимость глобальной цифровой инфраструктуры

Toghrul VALIKHANLI

Ормузский пролив в современной международной системе представляет собой не только критически важный узел энергетической безопасности, но и пространство, в котором проявляются структурные уязвимости глобальной цифровой инфраструктуры. Данный морской коридор, традиционно рассматриваемый как ключевой маршрут транспортировки нефти и природного газа из стран Персидского залива на мировые рынки, в условиях цифровизации мировой экономики приобретает значительно более комплексное стратегическое значение.

В современную эпоху международная мощь государств определяется не только контролем над физическими ресурсами, но и способностью управлять потоками информации и данных. В этом контексте Ормузский пролив становится не просто энергетическим узлом, а точкой пересечения энергетических и цифровых потоков, формирующих основу глобальной экономической системы.

Современная цифровая экономика опирается на физическую инфраструктуру подводных оптоволоконных кабелей, которые обеспечивают передачу подавляющего объёма международного интернет-трафика. Эти кабели соединяют финансовые системы, облачные вычислительные платформы, военные коммуникационные сети и инфраструктуру искусственного интеллекта, образуя тем самым фундамент глобального цифрового порядка.

Ормузский пролив является одним из ключевых географических участков, через которые проходят такие подводные кабельные системы, соединяющие Азию, Европу и Ближний Восток. Это делает регион критическим узлом не только энергетической, но и цифровой взаимозависимости.

Такая концентрация инфраструктуры формирует специфическую форму стратегической уязвимости. В отличие от традиционных объектов критической инфраструктуры, таких как нефтяные терминалы или военные базы, подводные кабели остаются практически невидимыми и недостаточно осознанными в общественном и политическом дискурсе. Однако их значение для функционирования глобальной экономики является фундаментальным.

Даже кратковременное нарушение работы таких кабельных систем может привести к масштабным сбоям в международных финансовых рынках. Высоочастотные торговые операции, глобальные банковские переводы и системы цифровых платежей полностью зависят от стабильности и непрерывности передачи данных.

Таким образом, Ормузский пролив приобретает значение не только как энергетический коридор, но и как потенциальная точка системного риска для глобальной цифровой экономики. Любой кризис в этом регионе способен одновременно затронуть энергетические рынки и цифровую инфраструктуру, усиливая эффект взаимного кризисного усиления.

Особую роль в этом контексте играет физическая природа интернет-инфраструктуры. Несмотря на кажущуюся виртуальность цифровых технологий, их функционирование полностью зависит от материальных сетей передачи данных. Подводные кабели становятся критическим элементом, уязвимость которого напрямую влияет на устойчивость глобальной системы.

В этом контексте обсуждаемые в некоторых региональных источниках предложения о введении платы за использование подводных кабелей в районе Ормузского пролива отражают растущую тенденцию к политизации цифровой инфраструктуры. Это свидетельствует о том, что кабельные системы рассматриваются не только как технические объекты, но и как инструменты геэкономического влияния.

Глобальная сеть подводных кабелей концентрируется в ряде стратегически значимых регионов, включая Ормузский пролив, Баб-эль-Мандебский пролив, Суэцкий канал и Красное море. Эти узкие географические пространства формируют так называемые «цифровые узкие места», через которые проходит значительная часть мирового интернет-трафика.

Любое нарушение функционирования этих узлов способно вызвать не только региональные, но и глобальные последствия. Особенно это касается финансовых рынков, логистических цепочек и систем международной коммуникации.

Исторические инциденты, включая повреждения подводных кабелей в Красном море в 2024 году, продемонстрировали, что даже локальные сбои могут привести к значительным нарушениям интернет-соединений между континентами. Аналогичный инцидент в Ормузском проливе имел бы значительно более серьёзные последствия.

С точки зрения международной безопасности подводные кабели представляют собой критическую инфраструктуру, защита которой регулируется международным морским правом, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года. Однако правовой режим этих объектов остаётся сложным из-за различий между территориальными водами, исключительными экономическими зонами и открытым морем.

В случае повреждения подводных кабелей возникает проблема установления ответственности, поскольку такие инциденты часто трудно атрибутировать конкретному государству или актору. Это создаёт правовую неопределённость, которая может перерасти в дипломатические кризисы.

Исторически правовое регулирование защиты подводных кабелей восходит к международной конвенции 1884 года, а также Женевским морским конвенциям 1958 года и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Однако современное расширение функций кабельной инфраструктуры требует переосмысления существующих правовых механизмов.

Современные подводные кабели выполняют не только функцию передачи данных, но и обеспечивают функционирование энергетических, финансовых и оборонных систем. Это усиливает их стратегическую значимость и повышает уровень международной конкуренции вокруг контроля над ними.

В результате Ормузский пролив превращается в многоуровневое геополитическое пространство, где пересекаются интересы энергетической безопасности, цифровой инфраструктуры и регионального военного баланса. Любая эскалация в этом регионе может одновременно вызвать энергетический и цифровой кризис глобального масштаба.

Таким образом, подводные кабели и энергетические маршруты формируют единую взаимосвязанную систему глобальной зависимости. Ормузский пролив в этом контексте выступает не только как физический транзитный коридор, но и как критический узел мировой цифровой экономики.

ANKASAM АНАЛИЗ

США–Израиль и Иранская война: пролог к новой глобальной конфигурации конфликта

Prof. Dr. Murat ERCAN

Военные столкновения между Соединёнными Штатами Америки, Израилем и Ираном, произошедшие в 2026 году, представляют собой не локальный региональный кризис, а многоуровневую геополитическую трансформацию, оказывающую системное воздействие на международный порядок. Данный конфликт выходит за рамки традиционного понимания ближневосточной нестабильности и приобретает характеристики структурного сдвига в глобальной системе безопасности.

Координированные авиационные удары США и Израиля по территории Ирана, а также ответные действия Тегерана с использованием баллистических ракет и беспилотных летательных аппаратов, свидетельствуют о переходе конфликта в фазу прямого межгосударственного противостояния высокой интенсивности. Одновременно обострение ситуации вокруг Ормузского пролива усилило энергетическую составляющую кризиса, превращая его в фактор глобальной экономической нестабильности.

Данный конфликт не может быть интерпретирован исключительно через призму ядерной программы Ирана или политики сдерживания Израиля. Он отражает более глубокий процесс трансформации международной системы, в рамках которого происходит постепенное ослабление однополярной структуры, сформированной после окончания холодной войны, и усиление элементов многополярности.

Соединённые Штаты рассматривают Иран не только как регионального оппонента, но и как ключевой элемент более широкой евразийской геополитической связки, включающей Россию и Китай. В этом контексте Иран приобретает значение стратегического узла в системе глобального баланса сил.

С 1979 года, после Исламской революции, отношения между США и Ираном характеризуются устойчивой конфронтационной динамикой. Антиамериканская внешнеполитическая ориентация Ирана и его антиизраильская риторика сформировали долгосрочную структуру взаимного недоверия, которая постепенно расширилась до уровня региональной системы безопасности.

Иранская ядерная программа, развитие баллистических технологий и поддержка так называемой «оси сопротивления», включающей «Хезболлу», шиитские вооружённые формирования в Ираке и йеменских хуситов, воспринимаются США и Израилем как комплексная стратегическая угроза. Данная сеть прокси-акторов трансформирует характер региональных конфликтов, делая их асимметричными и многослойными.

С израильской точки зрения иранская ядерная программа представляет собой экзистенциальную угрозу, способную изменить баланс сил на Ближнем Востоке. В этой связи Израиль на протяжении длительного времени применяет методы скрытого противодействия, включая кибератаки, диверсионные операции и точечные ликвидации ключевых специалистов.

Определение Ирана как «экзистенциальной угрозы» отражает не только текущие оценки безопасности, но и глубинные элементы израильской стратегической доктрины, основанной на предотвращении появления регионального гегемона, способного оспорить его существование.

Эскалация конфликта в 2026 году свидетельствует о переходе от модели «теневой войны» к открытому вооружённому противостоянию. Вовлечение США в прямые военные действия против Ирана обозначает качественное изменение характера конфликта и его масштабирование до уровня межгосударственной войны с глобальными последствиями.

Экономическое измерение конфликта связано прежде всего с энергетической безопасностью. Ормузский пролив, через который проходит значительная часть мировой нефтяной торговли, становится ключевым инструментом геоэкономического давления. Возможность его блокирования или нарушения функционирования превращает Иран в актор с асимметричным потенциалом влияния на мировую экономику.

С точки зрения США контроль над Ормузским проливом и стабильность энергетических потоков имеют стратегическое значение, поскольку любые перебои в поставках нефти способны вызвать глобальные ценовые шоки и инфляционные волны. Особенно уязвимыми в этом контексте являются экономики Китая и Европейского союза.

Китайская экономика критически зависит от импорта нефти через Ормузский пролив, что делает энергетическую безопасность Пекина напрямую связанной с региональной стабильностью Ближнего Востока. Европейский союз, несмотря на усилия по диверсификации энергетических поставок после украинского кризиса, также остаётся чувствительным к подобным потрясениям.

Энергетические сбои, вызванные конфликтом, оказывают не только макроэкономическое воздействие, но и усиливают глобальные инфляционные процессы, создавая риск стагнации в мировой экономике. Таким образом, военный конфликт приобретает выраженное глобально-экономическое измерение.

С точки зрения теории международных отношений, борьба за контроль над стратегическими морскими узкими местами соответствует неореалистической логике конкуренции великих держав. Исторически подобные конфликты часто предшествовали крупным системным войнам, что усиливает значимость текущей эскалации.

Вовлечение прокси-акторов, включая «Хезболлу», хуситов и шиитские формирования в Ираке, расширяет географию конфликта и делает его многофронтовым. Это приводит к эрозии региональной стабильности и увеличивает риск неконтролируемой эскалации.

Наличие государств с ядерным потенциалом в косвенно вовлечённой среде усиливает стратегическую неопределённость и повышает уровень глобального риска. Международная система в результате этого процесса движется в сторону более выраженной блоковой конфигурации.

Позиция Китая и России в данном конфликте имеет ключевое значение. Китай, будучи крупным импортёром энергоресурсов, заинтересован в сохранении стабильности Ирана как поставщика и транзитного узла. Россия рассматривает Иран как элемент противовеса западному влиянию в Евразии.

Таким образом, формируется условная геополитическая структура, в которой условный блок США–Израиль противопоставляется более гибкой конфигурации Китай–Россия–Иран. Эта система носит не жёстко блоковый, а сетевой характер, однако демонстрирует тенденции к поляризации.

В заключение следует отметить, что данный конфликт нельзя однозначно классифицировать как начало мировой войны, однако его структура и масштабы указывают на формирование новой фазы глобальной конфликтности. Эта фаза характеризуется переплетением энергетической безопасности, военной силы и геоэкономической конкуренции.

ANKASAM АНАЛИЗ

Ловушка Фукидида: соперничество США и Китая и глобальная борьба за гегемонию

Doç. Dr. Mustafa ÖZALP

Ловушка Фукидида в литературе международных отношений определяется как теоретическая концепция, описывающая системную напряжённость, возникающую в результате того, что восходящая держава бросает вызов существующей гегемониальной державе, что с высокой вероятностью может привести стороны к конфликту. Истоки данного понятия восходят к наблюдениям древнегреческого историка Фукидида, сделанным им при анализе Пелопоннесской войны.

Фукидид в своём труде утверждает, что рост могущества Афин и вызванное этим чувство страха и неуверенности в Спарте сделали войну между двумя державами практически неизбежной. Этот исторический пример в современной теории международных отношений используется для объяснения структурных напряжений, возникающих в международной системе при изменении баланса сил.

В современной литературе международных отношений концепцию «ловушки Фукидида» вновь ввёл в научный оборот Грэм Эллисон. В своей работе, опубликованной в 2017 году, он утверждает, что на протяжении истории во многих случаях соперничество между восходящей и доминирующей державами завершалось войной. Данный подход подчёркивает, что процессы перехода власти по своей природе содержат высокий уровень риска.

Механизм действия ловушки Фукидида обычно объясняется через три основных этапа. На первом этапе в международной системе быстро возрастает новая держава. Этот рост проявляется в экономическом, военном или технологическом усилении. На втором этапе существующая гегемониальная держава начинает воспринимать этот рост как угрозу своему положению. На третьем этапе данное восприятие приводит к усилению взаимных угроз безопасности, ускорению гонки вооружений, углублению кризисов и росту количества ошибочных стратегических расчётов. В результате напряжённость между сторонами увеличивается, а вероятность войны возрастает. В этом контексте ловушка Фукидида рассматривается не только как теоретическое объяснение, но и как аналитическая рамка, раскрывающая рисковую природу перехода власти в международной системе.

В современной международной системе данный концепт чаще всего обсуждается в контексте отношений между Китаем и Соединёнными Штатами Америки (США). Китай позиционируется как восходящая держава, тогда как США рассматриваются как действующая глобальная гегемония. Конкуренция между этими двумя акторами носит не только военный, но также экономический, технологический и геополитический характер.

Торговые войны между двумя странами, технологическое соперничество, тайваньский вопрос, борьба за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе и конкуренция за редкоземельные элементы являются ключевыми компонентами, анализируемыми в рамках ловушки Фукидида. Данная ситуация свидетельствует о том, что международная система вступила в фазу перехода власти, которая до сих пор не завершена.

В этом контексте современная международная система может быть охарактеризована как переходный период. Это период структурной трансформации глобальной гегемонии, в котором баланс сил ещё не стабилизировался. В данный период сферы соперничества между государствами остаются недостаточно чётко определёнными, а в международной системе сохраняется стратегическая неопределённость.

Данная неопределённость способствует дальнейшему усилению конкуренции между государствами. Изменение распределения силы порождает новые зоны конфликтов как на региональном, так и на глобальном уровне. Поэтому ловушка Фукидида представляет собой не только теоретическую конструкцию, но и аналитический инструмент для понимания динамики современной международной системы.

Вместе с тем данная концепция подвергается различным критическим оценкам. Критики подчёркивают, что исторически переходы власти не всегда приводили к войне. Особенно в современную эпоху технологическое развитие и экономическая взаимозависимость рассматриваются как факторы, снижающие вероятность прямого военного конфликта между великими державами.

Ядерное сдерживание также считается одним из ключевых факторов, предотвращающих возникновение масштабных войн. Кроме того, рост взаимозависимости в глобальной экономической системе увеличивает издержки войны, тем самым создавая сдерживающий эффект.

По этой причине ловушку Фукидида следует рассматривать не как неизбежную судьбу, а как модель риска, требующую внимательного анализа. С точки зрения теории международных отношений данный концепт используется для объяснения дилеммы безопасности, возникающей в результате изменения баланса сил.

Ловушка Фукидида также тесно связана с теорией перехода власти. Согласно данной теории, изменения в распределении силы в международной системе усиливают конкуренцию между государствами, что периодически повышает риск конфликта. В этом контексте научно-технологическое развитие ещё больше усложняет восприятие безопасности.

Историческим примером, на который опирается данная концепция, является Пелопоннесская война. Она происходила в период с 431 по 404 год до н. э. между Афинами и Спартой. Афины выступали как восходящая морская держава, тогда как Спарта представляла собой доминирующую сухопутную силу.

Хотя в ходе войны стороны периодически заключали перемирия, конфликт продолжался около 27 лет. В результате Спарта вышла победителем, однако её победа не привела к устойчивой гегемонии. Длительная война истощила обе стороны: Афины утратили своё морское превосходство, а Спарта лишь временно стала ведущей силой греческого мира. Однако в долгосрочной перспективе обе державы оказались ослаблены. Возникший вакуум силы впоследствии способствовал возвышению Македонского царства. При Филиппе II Македония установила контроль над греческими городами-государствами и изменила региональный баланс сил. Этот процесс рассматривается как важный результат в рамках логики ловушки Фукидида, поскольку конечным победителем конфликта стал не один из участников войны, а третья сила, заполнившая образовавшийся вакуум власти.

Данный исторический пример в современной интерпретации применяется к отношениям между Китаем и США. Китай сравнивается с Афинами как восходящая держава, а США — со Спартой как существующая гегемония. В этой логике предполагается, что возможный конфликт приведёт к взаимному ослаблению сторон, а возникающий вакуум силы может быть использован третьими акторами. Это подчёркивает, что переход власти в международной системе создаёт возможности не только для двух основных участников, но и для других государств.

В этой связи возникает важный вопрос: какой актор может заполнить возможный вакуум власти после потенциального конфликта между США и Китаем? В международной политике обсуждается, могут ли такими акторами стать Турция, Организация тюркских государств, Индия, Россия, Великобритания или государства Европы.

Подобные вопросы демонстрируют, что ловушка Фукидида формирует не только бинарную конкуренцию, но и более сложную многополярную динамику, связанную с перераспределением власти.

В 2026 году встреча Дональда Трампа и Си Цзиньпина в Пекине стала важным дипломатическим эпизодом в данном контексте. В ходе переговоров была подчеркнута необходимость избегать прямого конфликта и управлять соперничеством в контролируемой форме.

Заявление Си Цзиньпина о том, что «не следует попадать в ловушку Фукидида», демонстрирует актуальность данной теоретической рамки в современной дипломатии. Это утверждение основано на понимании того, что возможная война не принесёт долгосрочных выгод ни одной из сторон. В ходе переговоров тайваньский вопрос занял ключевое место в повестке. Китай открыто обозначил его как свою стратегическую красную линию. Это свидетельствует об усилении напряжённости в отдельных областях конкуренции.

В сфере торговых отношений введение США тарифов на китайские товары и ответные меры Китая усилили экономическую напряжённость. Несмотря на взаимозависимость, конкуренция между странами сохраняется. Снижение импорта сельскохозяйственной продукции из США со стороны Китая и переориентация на альтернативные источники поставок свидетельствуют о трансформации экономических связей. Однако общий объём торговли между двумя странами остаётся высоким.

В итоге отношения между Китаем и США представляют собой сложную систему, сочетающую конкуренцию и взаимозависимость. Это отражает современное проявление ловушки Фукидида в международной системе.

В данном контексте потенциальная война может оказать влияние не только на две страны, но и на всю глобальную экономическую систему и международный порядок. Поэтому ловушка Фукидида продолжает оставаться важной аналитической рамкой как в теоретическом, так и в практическом плане в современных международных отношениях.

ANKASAM АНАЛИЗ

От «холодной войны» к Стратегической концепции НАТО 2022 года: эволюция восприятия угроз и стратегическая трансформация Альянса

Prof. Dr. Murat ERCAN

NATO (Организация Североатлантического договора) была создана в 1949 году как военно-политический союз, направленный на коллективную оборону против угрозы, исходящей от Советского Союза. С момента своего основания основной целью Альянса являлось предотвращение возможной крупномасштабной войны в Европе под защитным зонтиком западного блока и институционализация механизма сдерживания. Однако изменения в международной системе, включая политические, военные и технологические трансформации, на протяжении времени последовательно изменяли восприятие угроз и стратегические приоритеты НАТО.

В период холодной войны центральной задачей НАТО являлось сдерживание потенциальной советской экспансии в Европу. В этом контексте стратегическая концепция «массового возмездия», основанная на ядерном превосходстве США в 1950-х годах, стала основой доктрины сдерживания Альянса. Данная стратегия предполагала возможность немедленного и масштабного ядерного ответа на любую конвенциональную агрессию со стороны СССР, тем самым формируя высокий уровень стратегической неопределённости и сдерживания.

Со временем, однако, жёсткость данной доктрины стала предметом критики, поскольку она ограничивала гибкость реагирования на кризисы. В результате возникла необходимость разработки более адаптивной модели сдерживания. В этом контексте принятие в 1967 году концепции МС 14/3 «гибкого реагирования» (flexible response), а также публикация доклада Хармеля, стали важными поворотными моментами в стратегической эволюции НАТО.

Новая стратегия закрепила двойственный характер Альянса: с одной стороны, НАТО оставалась военной организацией коллективной обороны, а с другой — включала элементы политического диалога и политики разрядки. Таким образом, вместо автоматического перехода к ядерному ответу предусматривалась поэтапная эскалация, начиная с использования конвенциональных сил и при необходимости переходя к ядерному потенциалу.

На протяжении холодной войны восприятие угроз в рамках НАТО было в значительной степени сосредоточено на Советском Союзе. Однако распад СССР в 1991 году привёл к фундаментальной трансформации международной системы и поставил под вопрос саму необходимость существования Альянса в прежнем виде. В ответ на эти изменения Стратегическая концепция Рима 1991 года переопределила роль НАТО, расширив её от исключительно коллективной обороны к функциям кризисного управления и кооперативной безопасности.

Дальнейшее развитие произошло с принятием Вашингтонской стратегической концепции 1999 года, которая закрепила трансформацию НАТО в организацию, способную проводить операции «вне зоны ответственности» (out-of-area operations). Балканские кризисы стали практической ареной реализации этой новой роли. Операции IFOR/SFOR в Боснии и Герцеговине, вмешательство в Косово в 1999 году, миссия ISAF в Афганистане (2001–2021) и операция в Ливии в 2011 году продемонстрировали переход НАТО от классической оборонной логики к многофункциональной роли управления кризисами и обеспечения стабильности.

Террористические атаки 11 сентября 2001 года стали критическим переломным моментом в восприятии угроз Альянсом. После этих событий терроризм был включён в число ключевых угроз безопасности НАТО, а статья 5 Вашингтонского договора была применена впервые в истории организации. Это означало, что нападение на США было признано нападением на всех союзников, что активировало механизм коллективной обороны.

После этого НАТО значительно расширила спектр своих операций в евроатлантическом пространстве. Морское наблюдение в Средиземном море, воздушное патрулирование и обмен разведывательной информацией стали частью новой архитектуры безопасности. Таким образом, Альянс начал формировать многоуровневую систему управления рисками, выходящую за рамки традиционной военной обороны.

В 2000-х годах рост асимметричных угроз привёл к дальнейшему расширению стратегического понимания безопасности. Стратегическая концепция Лиссабона 2010 года включила в повестку НАТО киберугрозы, энергетическую безопасность, системы противоракетной обороны и гибридные угрозы. Особенно важными стали кибератаки против Эстонии в 2007 году и энергетические кризисы, связанные с Россией, которые продемонстрировали уязвимость критической инфраструктуры.

В этот период киберпространство и энергетическая безопасность стали ключевыми элементами стратегической повестки НАТО. Появление концепции гибридных угроз отразило интеграцию военных и гражданских сфер безопасности, что значительно усложнило анализ угроз и реагирование на них. Таким образом, определение угроз в рамках НАТО стало более комплексным, многоуровневым и технологически ориентированным.

Глобальный финансовый кризис 2008 года оказал значительное влияние на оборонные бюджеты стран-членов НАТО, что привело к необходимости повышения эффективности использования ресурсов. В ответ на это была разработана концепция «Smart Defence», направленная на оптимизацию оборонных расходов и усиление кооперации между государствами-членами.

Данная стратегия предусматривала совместное использование военных возможностей, развитие многонациональных проектов и сокращение дублирующих оборонных программ. В частности, были реализованы проекты в области стратегических воздушных перевозок, систем раннего предупреждения и противоракетной обороны. Это позволило НАТО сохранить оперативную эффективность в условиях бюджетных ограничений.

Аннексия Крыма Российской Федерацией в 2014 году и последующее полномасштабное вторжение в Украину в 2022 году стали новым поворотным моментом в восприятии угроз НАТО. В Стратегической концепции Мадрида 2022 года Россия была определена как наиболее значительная и прямая угроза безопасности союзников, тогда как Китай был охарактеризован как системный вызов.

Это свидетельствует о расширении географического и стратегического горизонта НАТО за пределы евроатлантического региона. Включение таких сфер, как кибербезопасность, дезинформация, защита критической инфраструктуры, космическая безопасность и энергетическое оружие, демонстрирует переход Альянса к многомерной модели безопасности.

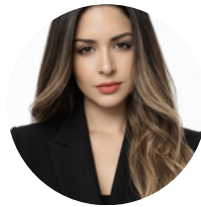
Таким образом, НАТО прошла путь от классического оборонительного союза, ориентированного на противодействие Советскому Союзу, к многоуровневой структуре управления кризисами и противодействия гибридным угрозам. Эта трансформация отражает адаптацию Альянса к изменениям в международной системе и подтверждает его способность к институциональной эволюции.

В конечном счёте, эволюция НАТО демонстрирует, что организация не является статичным институтом, а представляет собой динамическую структуру, постоянно адаптирующуюся к изменениям глобальной безопасности. Расширение её функций от коллективной обороны к глобальному управлению рисками отражает общую логику трансформации международного порядка.

ANKASAM АНАЛИЗ

2026 Évian G7 саммит: международная политическая экономия под углом гегемонической трансформации

Zeynep Çağla ERİN

Современная международная система переживает период, в котором асимметрия распределения силы и пределы возможностей гегемонических акторов становятся всё более очевидными. В этом контексте 52-й саммит G7 Évian Summit 2026, состоявшийся 15–17 июня 2026 года в Évian-les-Bains (Франция), представляет собой важный кейс для анализа напряжённости между институциональной архитектурой глобальной политической экономики и реальной динамикой силовой проекции государств. Саммит может рассматриваться не только как площадка экономической координации, но и как пространство, в котором материализуются дискуссии о характере глобальной гегемонии.

В рамках теоретической перспективы Роберта Гилпина, изложенной в его концепции гегемонической стабильности, международная система поддерживает устойчивость благодаря предоставлению общественных благ со стороны доминирующей державы. К таким общественным благам относятся обеспечение безопасности, поддержание открытых торговых путей и стабильность резервной валютной системы. Однако по мере времени гегемон сталкивается с возрастающими издержками поддержания системы, что приводит к структурному дисбалансу между его возможностями и глобальными обязательствами. Саммит в Évian фактически проходил на этой линии напряжения: Соединённые Штаты демонстрировали стремление перераспределить бремя системы, побуждая союзников к увеличению их ответственности.

Одним из наиболее символически значимых эпизодов саммита стало позднее прибытие президента США Дональда Трампа и его заявление «Я — хозяин» при входе в зал заседаний. Данное высказывание следует интерпретировать не как индивидуальную риторику, а как проявление кризиса легитимности гегемонической роли. В логике Гилпина гегемония основывается не только на материальном превосходстве, но и на институционализированном согласии других акторов. В этом смысле персонализированная риторика лидерства подрывает коллективный характер координационных механизмов.

Реакция остальных членов G7, выразившаяся в избегании открытой конфронтации по поводу данного заявления, свидетельствует о сохранении институциональной устойчивости трансатлантических отношений. Однако одновременно это отражает стратегическую адаптацию европейских акторов к непредсказуемости политики США и их попытки минимизировать политический ущерб. Таким образом, кризис легитимности гегемона способствует ускорению процессов стратегической автономизации союзников.

Важным элементом повестки саммита стал кризис, вызванный эскалацией на Ближнем Востоке после военного вмешательства США и Израиля против Ирана в феврале 2026 года. Закрытие Ормузского пролива привело к существенным нарушениям глобальных энергетических цепочек и дестабилизации рынков. Проект итогового заявления саммита рассматривался как попытка дипломатического урегулирования энергетического кризиса.

С точки зрения гилпинианской логики «затраты–выгоды», государства стремятся сохранять или изменять статус-кво в зависимости от соотношения предельных издержек и выгод. В этом контексте корректировка американской политики в отношении Ирана может быть интерпретирована как результат растущих экономических и политических издержек. Усиление давления со стороны внутренних акторов и негативные эффекты для глобальных цепочек поставок привели к пересмотру стратегических приоритетов Вашингтона.

Итоговый компромисс, обсуждавшийся на саммите, включал идею ограничения ядерного потенциала Ирана в обмен на смягчение морской блокады. Данное решение было представлено американской стороной как успех в стабилизации рынков. Однако аналитически оно может быть интерпретировано как временный баланс интересов, а не как структурное решение конфликта, учитывая сохраняющиеся региональные противоречия.

Отдельное внимание на саммите уделялось экономической политике Китая, в частности модели, основанной на государственных субсидиях и экспортной ориентации. Данная модель рассматривается как фактор давления на промышленную базу западных экономик. В рамках теории Гилпина подобные структурные сдвиги являются источником системной нестабильности, поскольку они изменяют распределение выгод в международной системе.

В результате усилилось противоречие между протекционистскими тенденциями США и координационными инициативами Европейского союза. G7 в данном контексте стремится выработать коллективный механизм экономической защиты против китайской торговой политики, что отражает трансформацию группы из экономического форума в стратегический координационный механизм.

Значимым направлением дискуссий стала также сфера искусственного интеллекта и цифровых технологий. Участие ведущих американских технологических компаний, таких как OpenAI, Google DeepMind и Anthropic, подчёркивает возрастающую роль негосударственных акторов в формировании глобальной структуры власти. Соединённые Штаты используют технологическое лидерство как инструмент поддержания экономического и геополитического влияния.

Европейский союз, в свою очередь, стремится компенсировать технологическое отставание посредством нормативного регулирования и политики цифрового суверенитета. Французские инициативы, включая развитие компаний уровня Mistral AI, отражают попытки формирования альтернативной технологической экосистемы. Таким образом, конкуренция в области ИИ приобретает не только экономический, но и нормативно-стратегический характер.

Выступление президента Украины Владимира Зеленского на саммите вновь актуализировало проблему распределения финансовых и военных обязательств внутри западного блока. Постепенное снижение готовности США к долгосрочному финансированию украинского конфликта усиливает давление на европейские государства, вынуждая их увеличивать собственное участие. Это отражает структурный сдвиг в трансатлантической архитектуре безопасности.

Расширение роли Европы в финансировании Украины сопровождается переоценкой механизмов распределения финансовой нагрузки внутри G7. Использование замороженных российских активов и санкционных инструментов демонстрирует превращение финансовой системы в инструмент геополитического давления. Однако продолжение военного конфликта подчёркивает ограниченность подобных мер.

Смещение стратегических приоритетов США в сторону Индо-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока создаёт дополнительную неопределённость для европейской безопасности. Это соответствует выводам Гилпина о том, что гегемоны стремятся сокращать издержки поддержания международного порядка, перераспределяя нагрузку на союзников.

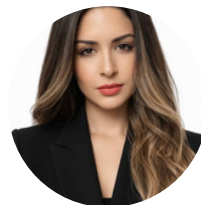
Итоговый формат саммита — публикация «резюме лидеров» вместо полноценной совместной декларации — свидетельствует о снижении уровня консенсуса внутри группы. Усиление влияния стран Глобального Юга и переход к более многополярной структуре мировой экономики ослабляют центральную роль G7 в глобальном управлении.

В заключение, саммит G7 Évian Summit 2026 в рамках теории гегемонической стабильности отражает структурную трансформацию международной системы. Институции прежнего порядка продолжают функционировать, однако их содержание и эффективность изменяются под воздействием перераспределения глобальной силы. G7 всё больше превращается из центра принятия решений в координационную площадку, управляющую напряжениями между конкурирующими центрами силы.

ANKASAM АНАЛИЗ

Техно-политический конфликт: новая цифровая арена соперничества США и Китая

Zeynep Çağla ERİN

Международная система XXI века переживает глубокую структурную трансформацию, которая выходит за пределы классических геополитических парадигм, основанных на территориальной экспансии, контроле природных ресурсов и конвенциональной военной мощи. В современных условиях ключевым элементом глобальной конкуренции становится не физическое пространство, а цифровая инфраструктура, данные и алгоритмические системы управления. В центре этой трансформации находится системное соперничество между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой, которое постепенно приобретает характер структурного противостояния за архитектуру мирового цифрового порядка.

Это соперничество отличается от традиционных форм геополитической конкуренции тем, что оно не ограничивается военной или экономической сферой, а распространяется на уровень технологической инфраструктуры, информационных потоков и цифрового суверенитета. В отличие от индустриальной эпохи, где ключевым ресурсом являлись нефть, уголь и промышленное производство, современная глобальная экономика всё больше опирается на данные как на стратегический ресурс. Это приводит к формированию новой формы власти, которую можно определить как «облачный капитал».

Облачный капитал представляет собой комплекс взаимосвязанных цифровых инфраструктур, включающих облачные вычисления, центры обработки данных, платформы искусственного интеллекта и глобальные сети передачи информации. В отличие от традиционного капитала, облачный капитал не привязан к физическому пространству, что позволяет ему функционировать в транснациональном измерении и формировать новые формы зависимости между государствами.

С точки зрения теории международных отношений, данная трансформация ставит под сомнение как неореалистские, так и либеральные подходы. Неореализм традиционно рассматривает силу государства через призму военного потенциала и материальных ресурсов, тогда как либерализм акцентирует внимание на взаимозависимости как факторе снижения конфликтности. Однако современное американско-китайское соперничество демонстрирует парадоксальную форму взаимозависимости, которая не снижает, а усиливает стратегическую конкуренцию. Этот феномен можно охарактеризовать как «вооружённая взаимозависимость», при которой экономические и технологические связи становятся инструментами давления и контроля.

Особое значение в данной системе приобретают цифровые инфраструктуры, такие как подводные оптоволоконные кабели, глобальные облачные платформы, системы хранения данных и цепочки поставок полупроводников. Эти элементы формируют новые стратегические узлы уязвимости, которые могут быть использованы как инструменты геэкономического давления. Таким образом, контроль над цифровой инфраструктурой становится эквивалентом контроля над стратегическими коммуникациями в классической геополитике.

В этих условиях понятие суверенитета претерпевает фундаментальную трансформацию. Если в вестфальской системе суверенитет определялся через контроль над территорией, то в цифровую эпоху он всё больше определяется способностью контролировать данные и информационные потоки. Это приводит к тому, что государство перестаёт быть единственным субъектом власти, поскольку значительная часть цифровой инфраструктуры контролируется транснациональными технологическими корпорациями.

Американские технологические компании, такие как Amazon Web Services, Microsoft Azure и Google Cloud, играют ключевую роль в формировании глобальной цифровой архитектуры. Они контролируют значительную часть мировых потоков данных, обеспечивая функционирование как частного сектора, так и государственных структур. Особенно важно отметить, что облачные платформы тесно интегрированы с государственными структурами США, включая оборонные и разведывательные ведомства, что создаёт уникальную форму симбиоза между государством и корпорациями.

Этот симбиоз усиливается законодательными механизмами, такими как Cloud Act, который позволяет американскому правительству получать доступ к данным, хранящимся за пределами страны, если они принадлежат американским компаниям. Это означает, что цифровой суверенитет других государств становится частично зависимым от правовой системы США, что создаёт асимметричную структуру глобальной власти.

Китай, в свою очередь, развивает альтернативную модель цифрового суверенитета, основанную на концепции «цифрового Шёлкового пути». Эта стратегия направлена на создание автономной цифровой экосистемы, включающей такие компании, как Huawei, Alibaba, Tencent и Baidu. Эти корпорации выполняют не только экономические функции, но и стратегическую роль в расширении глобального влияния Китая.

Особое значение имеет развитие технологий 5G и 6G, где Huawei играет центральную роль в создании инфраструктуры передачи данных. Контроль над телекоммуникационными сетями позволяет формировать физическую основу цифрового суверенитета, поскольку именно через эти сети осуществляется передача глобальных данных. В ответ на это США вводят ограничения на экспорт технологий, особенно в области полупроводников и высокопроизводительных вычислений.

Важным элементом данной конкуренции является развитие искусственного интеллекта. Алгоритмические системы становятся новым инструментом стратегического анализа, прогнозирования и даже военного планирования. Скорость обработки данных и способность к обучению алгоритмов становятся ключевыми параметрами государственной мощи.

Не менее важным является вопрос международных стандартов. Контроль над технологическими стандартами означает контроль над глобальными цепочками производства. Китай активно участвует в процессе стандартизации технологий 5G, искусственного интеллекта и квантовых вычислений, стремясь увеличить своё влияние в международных организациях по стандартизации.

Таким образом, американско-китайское соперничество представляет собой не просто экономический или политический конфликт, а борьбу за архитектуру глобального цифрового порядка. В этой системе государства всё больше становятся зависимыми от выбранных ими технологических экосистем, что радикально меняет природу международных отношений.

ANKASAM АНАЛИЗ

Изменяющийся европейский баланс безопасности и отношения США–Турция

Gamze BAL

После Второй мировой войны архитектура трансатлантической безопасности формировалась вокруг доминирующей роли Соединённых Штатов Америки, обладавших как военным превосходством, так и ядерным сдерживанием, а также институциональным лидерством в рамках НАТО. Эта система была построена на логике коллективной обороны и направлена прежде всего на сдерживание Советского Союза. В течение холодной войны европейская безопасность практически полностью зависела от американского стратегического присутствия, а после 1991 года данная зависимость сохранилась, приобретая форму расширенной кооперативной безопасности.

Однако в XXI веке международная система претерпела структурные изменения, которые постепенно подорвали устойчивость прежней модели безопасности. Возвышение Китая как глобальной экономической и технологической державы привело к смещению стратегических приоритетов США в сторону Индо-Тихоокеанского региона. В то же время возобновление российской военной активности, особенно после событий 2014 года и полномасштабного конфликта на Украине, вновь актуализировало вопрос конвенциональной войны в Европе. Дополнительно, нестабильность на Ближнем Востоке, включая конфликты в Газе, Сирии и Ираке, а также риски в Красном море, создала многослойную систему кризисов, требующую одновременного управления на глобальном уровне.

В этих условиях Соединённые Штаты сталкиваются с необходимостью одновременного сдерживания Китая, балансирования России и поддержания глобальной системы союзов. Однако опыт военных интервенций в Ираке и Афганистане показал ограничения прямого военного вмешательства как инструмента долгосрочной стратегии. Это привело к формированию более гибкой модели безопасности, основанной на распределении ответственности между союзниками и региональными акторами.

Данная трансформация не означает отказа США от Европы, однако она предполагает переосмысление роли Европы в общей системе безопасности. Европейская безопасность всё меньше рассматривается как автономная региональная структура и всё больше как часть глобальной сети взаимосвязанных кризисных зон. В этом контексте Черноморский регион, Южный Кавказ, Восточное Средиземноморье и Ближний Восток формируют единую стратегическую дугу нестабильности, напрямую влияющую на безопасность Европы.

В рамках этой новой архитектуры США распределяют функции между различными региональными акторами. Польша играет ключевую роль на восточном фланге НАТО, усиливая сдерживание России. Румыния становится важным элементом контроля над Черноморским пространством. Азербайджан выполняет функции энергетического и транспортного узла, связывающего Каспийский регион с Европой. Однако каждый из этих акторов обладает ограниченной зоной влияния и не способен самостоятельно обеспечивать межрегиональную связность.

На этом фоне Турция занимает уникальное положение как многоуровневый региональный актор, способный одновременно функционировать в нескольких геополитических пространствах. Её стратегическая значимость определяется не только географическим положением, но и институциональной способностью к многовекторной внешней политике.

Турция играет ключевую роль в обеспечении безопасности Чёрного моря через механизм Конвенции Монрё, регулирующей проход военных кораблей через проливы. В период российско-украинского конфликта Анкара также выступала как посредник в дипломатических переговорах и зерновых соглашениях. В рамках НАТО Турция является важным элементом южного фланга, обеспечивая оперативную и логистическую поддержку союзнических операций.

Кроме того, активность Турции в Сирии, Ираке и Восточном Средиземноморье демонстрирует её способность влиять на региональные конфликты, связанные с безопасностью Европы. В Южном Кавказе Анкара участвует в процессах постконфликтной стабилизации, особенно в контексте азербайджано-армянских отношений. Параллельно проекты транспортных коридоров, включая Средний коридор, усиливают роль Турции в обеспечении энергетической и торговой безопасности Европы.

Таким образом, Турция становится не просто региональным союзником, а структурным узлом, связывающим различные зоны нестабильности в единую стратегическую систему. Это делает её важным элементом новой американской модели безопасности, основанной на распределённой архитектуре ответственности.

Развитие политического диалога между президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом и президентом США Дональдом Трампом отражает прагматический характер двусторонних отношений, несмотря на существующие структурные противоречия. Назначение американских специальных представителей по региональным кризисам, включая Сирию и Ирак, свидетельствует о стремлении Вашингтона к более тесной координации с Анкарой в управлении региональными конфликтами.

В этом контексте отношения США и Турции постепенно трансформируются из классической союзнической модели в более гибкую форму стратегического партнёрства, основанного на ситуативной координации интересов. Это особенно важно в условиях, когда США всё чаще используют региональные партнёрства вместо прямого военного присутствия.

С другой стороны, Европейский союз сталкивается с внутренним противоречием между своими стратегическими потребностями и политическими предпочтениями. После начала российско-украинской войны европейские страны усилили внимание к Чёрному морю как к передовой линии безопасности. Одновременно возрастает значение альтернативных транспортных и энергетических маршрутов, таких как Южный газовый коридор и Средний коридор, которые напрямую связаны с Турцией.

Несмотря на это, европейская оборонная и политическая архитектура часто исключает Турцию из ключевых инициатив безопасности. Это создаёт структурное противоречие, поскольку реальная безопасность Европы всё больше зависит от внешних региональных акторов, тогда как институциональная политика ЕС остаётся ограниченной нормативными и политическими рамками.

Данное противоречие усугубляется тем, что Европейский союз не в полной мере осознаёт трансформацию американской модели безопасности. США всё меньше ориентируются на прямое военное присутствие в Европе и всё больше полагаются на сеть региональных партнёрств, охватывающих Чёрное море, Восточное Средиземноморье, Ближний Восток и Южный Кавказ. В этой системе Турция занимает центральное положение как связующее звено между различными геополитическими регионами.

Игнорирование этой роли Турции со стороны европейских институтов приводит к снижению эффективности европейской безопасности и увеличению стратегических издержек. В частности, управление миграционными потоками, энергетическая безопасность, стабильность Черноморского региона и предотвращение региональных конфликтов становятся значительно более сложными без активного участия Анкары.

Таким образом, ключевой вызов для Европы заключается не только в противостоянии России или конкуренции с Китаем, но и в правильном понимании трансформации американской модели глобальной безопасности. В этой модели безопасность создаётся не через централизованное военное присутствие, а через распределённую сеть региональных партнёрств и взаимозависимых акторов.

В рамках этой новой архитектуры Турция выступает как один из ключевых системных узлов, обеспечивающих связность между различными зонами нестабильности. Поэтому её исключение из европейских стратегических инициатив создаёт не только политическое, но и структурное противоречие в системе безопасности.

В заключение можно отметить, что в условиях трансформации международной системы Европа рискует оказаться в положении, когда она не формирует архитектуру безопасности, а лишь адаптируется к её внешним параметрам. В этой новой реальности отношения между США, Европой и Турцией становятся определяющим фактором устойчивости всего евроатлантического пространства.

ANKASAM В СМИ

4 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в эфире радиостанции TRT «Голос Турции»!

5 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол опубликовал экспертную оценку в газете Milliyet: «В Анкаре...»

08 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в эфире радиостанции TRT «Голос Турции»!

11 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в эфире радиостанции TRT «Голос Турции»!

18 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в эфире радиостанции TRT «Голос Турции»!

20 июня 2026 г.

- Специалист ANKASAM по Азиатско-Тихоокеанскому региону Зейнеп Чагла Эрин опубликовала экспертную оценку в газете

21 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в эфире телеканала Akit TV!

22 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в эфире телеканала Ulusal Kanal!
- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в эфире радиостанции TRT «Голос Турции»!

23 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол опубликовал экспертную оценку в газете Milliyet: «Яир...»
- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в программе «Международная повестка дня» на телеканале Ulusal Kanal...

25 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол выступил в эфире радиостанции TRT «Голос Турции»!

29 июня 2026 г.

- Председатель ANKASAM, профессор, доктор Мехмет Сейфеттин Эрол опубликовал экспертную оценку в информационном агентстве DKNews:...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ КРИЗИСНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТОМ VIII, ВЫПУСК I

В издательском органе ANKASAM вышел в свет последний номер Международного журнала кризисных и политических исследований, который входит в список международных рецензируемых журналов. Пройдя по ссылке ниже, вы можете получить доступ к журналу в серверах базы данных Academic Keys, ASOS INDEX, CEEOL, Cite Factor, DRJI, INDEX COPERNICUS, IDEAL ONLINE, RESEARCH BIBLE, Sindex и Tübitak DergiPark.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ANKASAM ТОМ VIII, НОМЕР I

Опубликован последний номер Журнала Региональных Исследований, который является международным рецензируемым журналом Анкарского центра исследований кризисных ситуаций и политики (ANKASAM). Пройдя по ссылке ниже, вы можете получить доступ к журналу в серверах базы данных Academic Keys, ASOS Index, CEEOL, Cite Factor, DRJI, Index Copernicus, Ideal Online, Research Bible, Sindex и TÜBİTAK DERGİPARK

Журнал региональных исследований